Российское китаеведение

Изучение китайской культуры и образования в России в начале XXI в.

© 2013

С. Торопцев

В центре статьи изучение тенденций развития российского китаеведения в сферах культуры и образования в первом десятилетии XXI в., когда оно стало возвращаться к фундаментальным аналитическим исследованиям на новом методологическом уровне. Автор выявляет основные направления исследований в филологии, языкознании, театроведении, киноведении, изобразительном искусстве, системе образования, анализирует научные и переводческие проблемы, демонстрирует появление новых теоретических концепций.

Ключевые слова: китаеведение, культура, литература, искусство, образование.

Культура — один из важнейших аспектов национального достояния каждого народа. Изучение ее учеными иноцивилизационного ареала — не только узкокабинетное занятие, а настоятельная необходимость интернационального диалога. «Различны исторические условия возникновения и развития национальных культур, их специфические черты, возможности контактов с культурами других стран и народов, — отмечают в коллективной статье ученые ИДВ РАН и подчеркивают. — Необходимость научного изучения всех этих и других смежных проблем очевидна»[1].

Изучение китайской культуры в России, миновав растерянность и крайнюю финансовую неупорядоченность 1990-х гг., постепенно начало заново обретать аналитическую уверенность. Серьезные исследования появились не только в старых центрах, но и в молодых, возникших за Уралом и на окраинах страны. Ученые продолжили привычные направления культурологических исследований, но принялись также открывать новые. Активно включился в работу Интернет, создаются сайты и форумы, на которые выносят на обсуждение свои работы молодые китаеведы.

В XXI в. российское китаеведение обрело такую глубину и такой международный авторитет, что само стало предметом научных аналитических исследований[2]. В предисловии к изданному в КНР сборнику отмечается: «Одна из задач современного китаеведения (в России. — *С.Т.*) состоит в том, чтобы с опорой на знание истории Китая и его

Торопцев Сергей Аркадьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра сравнительного изучения цивилизаций Северо-Восточной Азии ИДВ РАН, заслуженный деятель науки РФ. E-mail: tor-borev@mtu-net.ru.

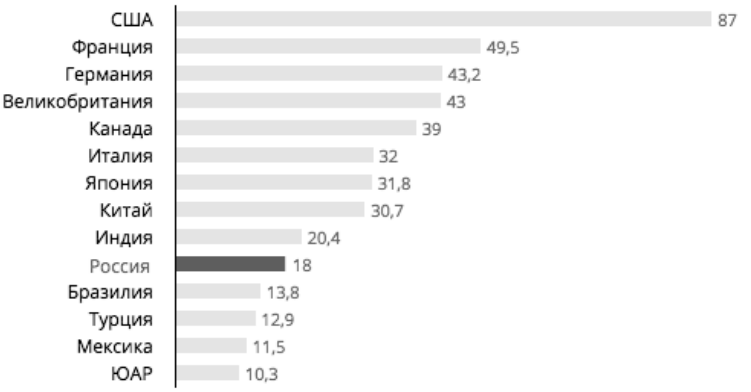
Статья написана при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 12–33–09006 «Основные направления и проблемы российского китаеведения».

традиции проанализировать китайский опыт реформ, выделить в нем как уникальную национальную специфику, так и элементы, обладающие универсальным значением для новых экономических держав… За видимыми материальными успехами Китая кроются культурные и цивилизационные факторы…»[3].

Уже становится определившейся тенденцией появление российских работ в зарубежной китаистике, и уже не только в Китае, давно проявлявшем пристальный интерес к российской науке, но и на Западе[4].

В XXI в. внимание ученых к китайской культуре переросло рамки академических исследований, выйдя на более широкий социально-политический фон. Китай активно взял на вооружение выдвинутый американским политологом Дж. Наем еще в начале 1990-х годов тезис о «мягкой силе» как эффективном инструменте формирования положительного имиджа страны за рубежом гуманитарными средствами, противопоставленными военным.

Международный индекс «мягкой силы»[5]:



Российские китаеведы серьезно отнеслись к появлению в Китае новой формы международной активности, определив этапы формирования этой концепции: «Активная работа развернулась вскоре после прихода на пост партийного лидера в 2002 г. Ху Цзиньтао. Первоначально речь шла о противодействии иностранным концепциям, предвещающим неминуемый крах китайских реформ либо указывающим на рост «китайской угрозы». В середине 2000-х гг. после длительных дискуссий власти заявили о необходимости наращивать собственную «мягкую силу» и культурное соперничество с другими странами. В 2007 г. XVII съезд КПК провозгласил задачу увеличения потенциала «мягкой силы» культуры. Следующим важным шагом стало соединение мероприятий по развитию культуры внутри КНР с повышением ее международного влияния. Комплексная стратегия «могущественного культурного государства» утверждена в октябре 2011 г. на шестом пленуме ЦК КПК 17-го созыва»[6].

Наиболее амбициозным проектом первого десятилетия XXI в., несомненно, стала шеститомная энциклопедия «Духовная культура Китая»[7], несколько лет готовившаяся в ИДВ РАН с привлечением специалистов из других китаеведческих центров России (энциклопедия была задумана сначала как двухтомник, затем выросла до пяти томов, что и было обозначено на титуле и в выходных данных, но в итоге обилие до сих пор не

поднятого материала вынудило выпустить дополнительный шестой том). «Это не только обобщение имеющихся достижений, но также исходная точка для дальнейших исследований, — отмечает рецензент. — Значение этого издания выходит за национальные рамки развития синологии, поскольку подготовленная в России энциклопедия ки-

тайской культуры стала первой в мировой науке»[8]. Энциклопедия была высоко оценена как в России (Государственная премия), так и за рубежом.

Проблемы культуры занимают достаточно весомое место и в фундаментальном новаторском десятитомном исследовании «История Китая», уже несколько лет готовящемся коллективом ученых нескольких китаеведческих центров под руководством академика С.Л. Тихвинского,

Новаторским направлением стала этнопсихология, до сих пор не вставшая в центр аналитических исследований отечественных китаеведов. Цикл работ, подготовленный по инициативе МГППУ, состоял, в том числе, из самостоятельных работ крупных отечественных китаеведов—литературоведов, философов, историков: акад. В.С. Мясников («Этнопсихологические особенности дипломатии КНР, 1949–1979 гг.»), Н.А. Спешнев («Этнопсихология Китая»), Н.Е. Боревская («Особенности китайской системы образования в контексте этнопсихологии»), С.А. Торопцев («Культурно-историческая психология китайцев. Культурологический, философский и художественный аспекты»), О.Е. Непомнин («Этнопсихология современного Китая: сравнительно-исторический анализ»). Эти работы сложились в цельный курс этнопсихологии народов Востока, опиравшийся на этнопсихологические константы китайцев, выявляемые через исторические и художественные секторы цивилизации Китая.

Части этих рабочих материалов удалось выйти за пределы университетского цикла, закладывая почву для новой для российского китаеведения и крайне важной дисциплины. Готовя свой материал для цикла, Н.А. Спешнев перевел и издал книгу крупного китайского философа и историка Линь Юйтана, ставшую серьезным вкладом в понимание китайской цивилизации[9], и поместил в журнале обзор этнопсихологических дискуссий в Китае[10]. С.А. Торопцев опубликовал часть поднятых им материалов по основным параметрам китайской этнопсихологии и проанализировал ряд фабульных моментов в произведениях литературы и искусства в ракурсе отражения в них общих этнопсихологических констант национального мышления[11].

Еще полностью не оценена новаторская роль книги И.С. Лисевича «Мозаика древнекитайской культуры»[12], вышедшей, к сожалению, посмертно. Нестандартное мышление ученого позволило ему сказать свое слово и в рамках уже изученных проблем литературы и истории. Но основным его вкладом, намеченным до выхода этого сборника только в отдельных статьях, был открытый эзотерический анализ легенд и преданий, который переводил материал, обычно воспринимаемый как внеисторическое мифологическое повествование, в общемировой космологический аспект — в рамках так называемой «тайной доктрины», впервые поднятой в России Е.П. Блаватской.

Ростки эзотерических доктрин стали появляться в книгах о Тибете, о котором раньше мало писали в российском китаеведении. А проникновение в мистические глубины этой одной из древнейших цивилизаций Земли проливает свет на китайскую культуру в целом. В последние годы резко возрос интерес к этой теме, и целый ряд исследований и популярных книг появились как в центральных, так и в молодых периферийных китаеведческих центрах[13].

Малоисследованный аспект осветил А.В. Ломанов в монографии «Христианство и китайская культура»[14]. Настойчивые попытки миссионеров ввести христианство в китайскую цивилизацию, по выводу автора, постоянно наталкивались на культурные и ментальные барьеры, что привело миссионеров к мысли изучать китайскую культуру и вводить богословские понятия через приспособление их к близким китайцам цивилизационным константам.

Новым оказался ракурс исследования в синтетической монографии Н.Е. Боревской и С.А. Торопцева «Китайская культура во времени и пространстве»[15]. Разноплановая структурально (литература, образование, кинематография), она в итоге оказалась монографически единой и показала китайскую культуру разных, весьма далеких друг от

друга, временных периодов как цельный континуум, пронизанный национальной самобытностью и, вместе с тем, всеобщей глобальной гуманистичностью.

Нельзя не отметить возросшее количество книг, статей, диссертаций, защищаемых в российских вузах китайскими аспирантами[16], — это естественным образом вливается в российское китаеведение, становясь его органической частью и исходным материалом для последующих исследований.

Изучение системы образования

Появление в 1990-е гг. в российских исследованиях системы образования КНР комплексного и проблемного подхода, а также современной методологии (в т.ч. компаративистской) привело к нескольким прорывам в начале нового столетия. Во-первых, изучение модернизации китайской системы образования было введено в контекст глобализации и стало рассматриваться *в теоретическом ключе* как часть общих процессов интернационализации, децентрализация, приватизации и дифференциации учебных заведений.

Еще одним новым направлением явилось выявление специфики этих процессов в КНР путем сопоставления традиции и новаторства, что стало возможным благодаря углублению в историю школы и педагогической мысли Китая. Первой ласточкой стал раздел В.В. Малявина в общем востоковедческом сборнике Востока[17], вслед за чем вышла монография Н.Е. Боревской[18], где впервые в отечественной синологии на основе многочисленных китайских источников с достаточной полнотой и многоаспектностью обрисована и проанализирована эволюция традиционных китайских представлений о целях воспитания и формирования личности, его содержании и направленности в различных философских течениях. Работа дает картину исторической преемственности и трансформации образовательных институтов в Китае (включая эволюцию системы императорских экзаменов *кэцзюй),* показана их особая роль как государственных учреждений, жестко встроенных во властную вертикаль, а также проанализирована специфика и эволюция частных академий *шуюань*. Анализ древней и средневековой педагогической доктрины Китая проливает новый свет на формирование педагогических теорий Нового и новейшего времени. Монография восполнила пробел не только в отечественном китаеведении, но и обогатила представления об истории мировой педагогики, получив высокую оценку в Китае[19].

Отредактированная и обогащенная глоссариями монография легла в основу одного из разделов энциклопедии «Духовная культура Китая»[20]. Для Московского психолого-педагогического университета было написано первое в России учебно-методическое пособие о взаимовлиянии системы образования и этнопсихологии китайцев, проанализировано столкновение и соприкосновение традиционной системы образования с западной на протяжении XIX—XXI вв. и порожденные этими процессами методики сохранения китайцами своей национальной идентичности[21]. Педагогические воззрения китайцев и система социализации детей и молодежи внутри ханьского этноса представлены автором как элемент духовной культуры, выделены менталеобразующие и культурообразующие функции образования.

Исследование роли традиции в формировании современной «системы образования с китайской спецификой» стало одной из ведущих тем 2000-х[22]. Принципиальным прорывом в этом направлении стала пионерская работа по сопоставлению конфуцианской и православной педагогик и месте школы в идеологии и культуре Китая и России[23].

Продолжилось и изучение *кэцзюй:* были опубликованы статьи, систематизирующие изучение этого феномена в России, а также прослеживающие его связь с учебными заведениями Китая в прошлом и настоящем, его влияние на систему экзаменов в странах Европы, в т.ч. России[24].

Неудача российских реформ образования, очевидная к началу XXI в., активизировала интерес российской педагогической общественности к успехам КНР в этой сфере. Фундаментальным трудом, подытоживающим четверть века китайских образовательных реформ (1978–2002 гг.) на пути в постиндустриальное информационное общество, стала монография «Государство и школа»[25]. В фокусе работы — стратегия и тактика модернизации системы образования и ее корреляция на разных этапах социально-экономического развития страны: проблемы децентрализации и демократизации управления школами и вузами, реструктуризация функций государства в их финансировании, государственная доктрина «приватизации» в образовательном секторе, оптимизация и диверсификация структуры образования и совершенствование качества обучения.

Первоначальные разработки 1990-х гг. по отдельным аспектам образовательных реформ в КНР — управленческому, финансовому — в начале 2000-х гг. привели к постепенному вычленению таких направлений исследований, как экономика и социология образования. В эпоху перехода к рыночной экономике весьма актуальной стала проблема соотношения бюджетного и внебюджетного финансирования учебных заведений. Вслед за проблемной статьей на эту тему в российском журнале[26], в престижном английском педагогическом издании было опубликовано развернутое исследование, написанное российским ученым в соавторстве с профессором Гонконгского университета, сопоставляющее подходы двух стран к решению данной проблемы[27].

Тема финансирования образования в КНР дала российскому китаеведению новаторское исследование в области экономики образования[28]. На основе китайских источников и трудов российских экономистов автор анализирует новые подходы руководства КНР к бюджетному и внебюджетному финансированию государственных и частных вузов в сопоставлении с поисками современных механизмов финансирования высшей школы в РФ.

Следующее направление — социология образования. Отдельные разработки по данной теме принадлежат Н.Е. Боревской[29]. А в конце десятилетия была сделана попытка применения общего теоретико-методологического инструментария изучения образования как социальной системы общества к исследованию процесса вызревания современной функционально дифференцированной системы образования в Китае в период XII—XX вв.[30]

В целом в первое десятилетие XXI в. работы, посвященные разным аспектам модернизации китайской системы образования, вышли из узкого русла китаеведения и стали регулярно появляться в общих педагогических тематических сборниках и монографиях, в чем определенная заслуга принадлежит Н.Е. Боревской[31]. Первые работы российских китаеведов появились и в общих сборниках по образовательному законодательству[32].

Иными словами, труды российских китаеведов по образовательной проблематике вошли в широкий контекст общетеоретических разработок таких разделов науки, как сравнительная педагогика, экономика и социология образования. Аналитические материалы китаеведов по данной тематике стали широко печататься в российских педагогических и общественно-политических журналах («Педагогика», «Народное образование», «Отечественные записки»).

Еще одной принципиально важной инновацией XXI в. стал акцент на компаративистские, прежде всего, бинарные сопоставления процессов модернизации систем образования в КНР и РФ, причем ряд серьезных монографий был выполнен совместно с китайскими коллегами. Краеугольным камнем стал разработанный Н.Е. Боревской первый в мировом китаеведении многоаспектный проект сравнительного анализа стратегии и ключевых направлений образовательных реформ этих двух держав, вступающих в информационную эпоху, с учетом их национальной специфики и глобальных вызовов[33]. Каждая глава, как и вся монография в целом, завершаются теоретическим сравнитель-

ным анализом, представленным учеными каждой из стран, а также видным компаративистом проф. Марком Брэем. Книга вышла и в КНР на китайском языке[34], а затем — на английском[35], что обеспечило ей широкий международный резонанс[36].

Следующий двусторонний проект был сфокусирован на проблеме модернизации профессионального образования (сравнивались три региона РФ и три провинции КНР) и также вышел отдельными монографиями в каждой из стран[37]. Проект на основе экономико-статистических и социологических исследований разработал методические положения и практические рекомендации по использованию лучших современных моделей образовательных учреждений и составлению профессиональных и образовательных стандартов.

Это же десятилетие отмечено еще одним новым исследовательским трендом — появлением ряда оценочных работ, способствующих развитию образовательного сотрудничества двух стран[38]. Впервые были комплексно проанализированы теоретические, и практические аспекты гуманитарных контактов двух стран в сфере образования, которая рассматривалась как ключевая в осуществлении прорыва к новым технологиям XXI в.[39]

Создание условий для повышения конкурентоспособности высшей школы РФ на мировом рынке образовательных услуг в XXI в. стало рассматриваться не только сквозь призму ее участия в формировании общеевропейского образовательного пространства, но и в сопоставлении с активностью таких новых акторов, как Китай[40].

Признанием высокого теоретического уровня и научной объективности российских исследований образовательных реформ в КНР явилась публикация раздела Н.Е. Боревской «Приоритетность образования как залог успешной модернизации Китая» в изданном в КНР сборнике «Китайское образование глазами иностранцев»[41].

Филологические науки

Исследование литературы — одна из ведущих частей китаеведческой культурологии в России, имеющая прочные корни, ведущие к патриархам отечественной науки В.П. Васильеву и В.М. Алексееву. В XXI в. стали появляться оригинальные исследования уже не только маститых ученых, но и молодых китаеведов. Акцент традиционно ставился на современной литературе, однако внимание к классике стало определенно возрождаться.

В конце первого десятилетия XXI в. почти одновременно были защищены две блестящие кандидатские диссертации по модернистским течениям в современной китайской литературе[42] и по творчеству поэта V в. Се Тяо, занимающего достойное место в китайской классической поэзии, но до сих пор совершенно не изученного российским китаеведением[43]. Обе эти работы ушли от привычного и распространенного стиля описательности и хронологической биографичности — в сферу философичных размышлений над образной системой произведений, уверенно проникая во внутренний мир литераторов, скрывающийся за пределами слов. Они показали несомненные потенции сегодняшнего российского китаеведения, не ставшего механическим продолжением исследований старшего поколения ученых, а открывшего свой активный новаторский творческий облик. Фундаментальным изучением поэзии средневекового Китая занимался А.Г. Сторожук, суммировав это в монографии и докторской диссертации[44], которая исполнена не в распространенной форме «истории литературы», а выстраивает концептуальную модель танской поэзии как художественного и мировоззренческого явления культуры. Диссертанту не было нужды ссылаться на трудности «китайской специфики», и он полноправно вошел в пределы общего теоретического литературоведения. Активными исследованиями продолжала заниматься М.Е. Кравцова[45]. Постмодернизм в современной литературе ярко проанализирован в диссертации Е.А. Завидовской[46]. Целый ряд исследований был

посвящен отдельным современным писателям[47]. Стали появляться содержательные работы новых авторов из вновь возникающих китаеведческих центров[48].

При этом к несомненным достоинствам сегодняшнего российского китаеведения следует отнести не стихающее пристальное внимание к классикам этой науки, и тут в первую очередь надо вспомнить двухтомное собрание трудов академика В.М. Алексеева[49], а также собрание статей проф. Л.Д. Позднеевой[50], ранее разрозненных и разбросанных по журнальным публикациям. В фундаментальное собрание трудов сложил свои многолетние публикации Д.Н. Воскресенский[51].

Крупным вкладом в познание классической поэзии Китая стали более чем десятилетние исследования творчества величайшего китайского поэта Ли Бо (VIII в.), последовательно проводившиеся С.А. Торопцевым. После целого ряда статей и локальных сборников в конце десятилетия вышла полная биография поэта[52], а через два года — сборник комментированных переводов[53], ставший наиболее объемным переводным изданием поэта за пределами его родины. Эти работы привлекли внимание исследователей как в Китае[54], так и на Западе, и российский китаевед в 2012 г. был приглашен во Францию прочитать лекцию о творчестве Ли Бо в университете Сорбонна, Париж (с онлайновой трансляцией в университет Лиона и последующим выпуском записи этой лекции на DVD).

Новый импульс получила работа в области художественного перевода. Причем, что особенно важно, она стала захватывать не только практическую деятельность по переложению произведений китайской литературы на русский язык (в чем наибольшую активность проявили китаеведы Петербургского университета), но и размышления о теории перевода с китайского, где четко наметились два направления: развитие концепций лингвистического перевода, первостепенное внимание отдающего слову и форме, и образного перевода, ищущего адекватность образов русского текста — оригинальному[55].

Интересный переводческий опыт предложила Н. Азарова, составившая сборник стихотворений Ду Фу, переведенных ею не в традиционном классическом стиле, а верлибром[56]. Необычность сборника — в том, что Н. Азарова посмотрела на средневекового поэта как на современника, отказалась не только от рифм и ритма, но и от знаков препинания. Никакой стилизации «под старину», живой язык, словно читаешь строки сегодняшнего автора. Это впечатляет. Но насколько это адекватно? Есть образ, но китайским ли поэтом созданный, или это полностью — творение переводчика? Строки в переводе замкнуты сами на себе, подчиняясь принципу оригинальной китайской поэтики, но не складываясь в цельность стихотворения, что является итоговым структурным элементом оригинала. Но здесь важен сам факт обращения к китайской поэзии некитаиста со своей собственной оригинальной концепцией.

Театроведение

Продолжала работу ведущий отечественный исследователь китайского традиционного театра С.А. Серова[57]. В российском Серебряном веке скрестились новации русского театра и восточные традиции. Рецензент указывает: «Книга Серовой представляет возможность увидеть, как Серебряный век втягивает в себя искусство Востока и стремится проникнуть в духовные глубины древних культур»[58].

В монографии 2005 г.[59] эстетическая ценность китайского театра показана в ряду других национальных искусств, очерчено его местоположение в общем контексте китайской культуры, следовательно, в триединстве Неба — Земли — Человека. Традиционный театр зиждится на веками сложившемся восприятии музыки как метафизического и эстетического универсума, камертона Вселенной. От актера ждут возможности объять всю полноту мира. Так, формулирует исследователь, возникает парадоксальный мир театра,

соединивший в себе Небо, Землю и Человека, засвидетельствовавший полноту и всеединство мира.

Последняя в обозначенный период монография С.А. Серовой вышла в 2013 г.[60] Для традиционной культуры Китая, где все связано со всем, где "единое тело Вселенной" соединяет в едином пространстве духовные уровни бытия с человеком и обществом, весьма важно отслеживать эти взаимодействия, обращаясь к корням и истокам. Именно такова основная мысль этой работы. Тема монографии погружает нас в архаические времена, когда проторелигия тотемизм и первая религиозная система шаманизм, повязанные пуповиной с мифологией, явились корнями и истоками театрального искусства.

Современному театру в российском китаеведении этого периода повезло меньше. После фундаментальных работ прошлого века И.В. Гайда, наш ведущий исследователь современного китайского драматического театра, лишь в начале XXI в. выпустила несколько обобщающих работ в формате книжных и журнальных статей, в которых подводился итог развития этого сложного и противоречивого китайского искусства[61].

Изучение изобразительных искусств

Изучение изобразительных искусств в XXI в. продолжало оставаться одним из наиболее динамичных направлений российского китаеведения. К уже известным и зарекомендовавшим себя центрам и ученым Москвы и Санкт-Петербурга прибавились новые географические точки и имена. Расширилась номенклатура исследований. Так, оставшаяся долгое время в российском китаеведении в тени китайская архитектура расцвела целым букетом новых исследований[62]. Укрепилось понимание каллиграфии не как некоего варианта «правописания», а как искусства формирования образов, как выражение глубинной китайской ментальности[63]. Всемирно известное садово-парковое искусство анализировалось и с формального ракурса архитектурной композиции, и как отражение виртуальной образности[64]. При этом основным центром исследовательского внимания российских искусствоведов оставались свиток как органическое единство искусства живописи, каллиграфии и поэзии, а также скульптура, прежде всего, в древних ритуальных погребениях. Стоит отметить, что в этот период в свет выходят не только новые исследования, но и классические работы старых востоковедов[65].

Языкознание

Язык занимает в современном Китае чрезвычайно высокое место в системе духовных ценностей. Вместе с иероглифической письменностью он воспринимается как носитель древнейшей китайской цивилизации и гарантия сохранения культурной идентичности в условиях глобализации. В принятой в КНР программе развития языка и письменности на 2012–2020 гг. важное место занимает распространение литературного языка путунхуа за пределами китайского мира — в качестве «мягкой силы» государства.

Фундаментальные исследования в области китайской культуры и китайского языкознания в течение нескольких десятилетий ведутся в Институте Дальнего Востока РАН и других центрах китаеведения[66]. К важнейшему мероприятию в календаре российско-китайского взаимодействия на 2010 г. — Году китайского языка в России была приурочена фундаментальная монография[67], анализирующая различные формы государственной поддержки языка, письменности и лингвистических исследований в период «реформ и открытости», процесс переосмысления языковых реформ середины XX в. в Китае.

Исследованиями разных исторических форм китайского языка традиционно продолжают заниматься петербургские лингвисты[68]. Одному из наиболее интересных с лингвистической и культурологической точки зрения периодов в истории Китая — эпохе Тан посвящена диссертация Е.Б. Кондратьевой[69]. Еще одна яркая диссертационная рабо-

та последних лет посвящена одному из самых интересных и сложных для анализа лексикографических памятников — древнейшему китайскому словарю «Эръя»[70].

В ориентированном на китайскую цивилизацию конфуцианском пространстве Восточной Азии как главный символ престижной культуры Поднебесной веками воспринималась иероглифическая письменность.

В России изучением китайской письменности занимались десятки выдающихся ученых, их традиции продолжают отечественные синологи нового тысячелетия. Среди наиболее значительных публикаций последних лет следует назвать прежде всего две. Уникальная монография В.М. Крюкова содержит историко-культурный анализ древнекитайской эпиграфики эпох Инь и Чжоу, теоретическое осмысление особенностей китайской иероглифической письменности представлено в исследованиях О.М. Готлиба, работающего в Иркутске[71].

Киноведение

Изучение кинематографии Китая в российском китаеведении после широкого спектра исследований 1980–1990-х годов утратило свою активность. Дело в том, что общее российское киноведение, ориентированное на анализ кинематографий США и Европы, оставило Китай на далекой периферии своих интересов. Можно упомянуть лишь одну попытку ввести изучение китайского кино в границы общего российского киноведения[72].

В рамках китаеведения появился полный и содержательный анализ творчества великого режиссера Чжан Имоу[73], принесшего китайскому киноискусству мировое признание. Это исследование не замкнуто на работах только этого мастера, а дано в органической связи как с развитием китайской кинематографии предшествовавшего периода, так и с заслуживающими внимания последователями.

* * *

Итак, мы с удовлетворением можем констатировать, что изучение китайской культуры в России оправилось от растерянности 1990-х гг. и в нынешнем тысячелетии стало строже, глубже, многогранней. Старшее поколение обобщает накопленное, уповая на смену, которая начинает возникать не только в столицах, но и на окраинах Федерации. Важно подчеркнуть, что российское китаеведение теперь признается не только в собственной стране (Государственные премии), но выходит за пределы национальных границ и принимается как равный и полноправный член мирового научного сообщества.

---

1. *Сорокин В., Торопцев С., Боревская Н.* Изучение проблем китайской культуры в ИДВ РАН // ПДВ. 2006. № 1. С. 63.
2. *Ян Годун*. Эго ханьсюэши ци 1917 нянь [История российского китаеведения, начиная с 1917 г.]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2006; Элосы чжунгосюэ [Российское китаеведение]. Чунцин, 2011.
3. Элосы чжунгосюэ [Российское китаеведение]. Чунцин, 2011. С. 3.
4. *Borevskaya N.* Searching for Individuality: Educational Pursuits in China and Russia // Education, Culture, & Identity in Twentieth-Century China. Ann Arbor: Univ. of Michigan, 2001. P. 31–53; *Borevskaya N.* The PRC Educational Modernization Strategy: the Shift of a Paradigm? // Berliner China-Hefte. 2003. № 25; *Maljavin V.V.* Kina: istorija, kultura, religija. Beograd, 2008; Le Mystere des metaphors dans la poesie Li Bo. Par Sergey Toroptsev // Metaphores et cultures: En mots et en images. Paris, 2012. P. 103–118.
5. URL: http://slon.ru/economics/indeks_myagkoy_sily_kitay_v_2_raz_silney_rossii-794514.xhtml.
6. *Борох О., Ломанов А.* От «мягкой силы» к «культурному могуществу» // Россия в глобальной политике. 2012. № 4. URL: http://globalaffairs.ru/number/Ot-myagkoi-sily-k-kulturnomu-moguschestvu-15643.

7. Духовная культура Китая: Энциклопедия: в 5 т. + т. 6 (дополнительный) / РАН, Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2006–2010.
8. *Ломанов А.В.* Элосы чжунгосюэ [Российское китаеведение]. Чунцин, 2011. С. 44.
9. *Линь Юйтан*. Китайцы: моя страна и мой народ. М., 2010.
10. *Спешнев Н.А.* Дискуссия об этнопсихологии китайцев / пер. с кит. Спешнева Н.А. // Восток — Запад: Ист.-лит. альм., 2005–2006. М., 2006. С. 231— 268. В прил.: Ли Цзунъу. Наука о бесстыдстве и коварстве [Хоу хэй сюэ].
11. *Торопцев С.А.* Локус культуры в китайской ментальности // Отечественные записки. 2008. № 3. С. 205–221.
12. *Лисевич И.С.* Мозаика древнекитайской культуры. М., 2010.
13. *Грицак Е.Н.* Тибет. М., 2005. 223 с.: ил., 8 л. ил. (Памятники всемир. наследия); *Рерих Ю.Н.* Тибетская живопись / пер. с англ. М., 2001.; *Елихина Ю.И.* Тибетская живопись (тангка) из собрания Ю.Н. Рериха. СПб., 2010; *Резван Е.А.* Между Туркестаном и Тибетом: Салары. СПб., 2010.; *Бир Р.* Энциклопедия тибетских символов и орнаментов. М., 2011.
14. *Ломанов А. В.* Христианство и китайская культура. М., 2002.
15. *Боревская Н.Е., Торопцев С.А.* Китайская культура во времени и пространстве. М., 2010.
16. Например: *Ли Фанпин.* Китайская пейзажная живопись жанра "горы-воды" ("Шаньшуйхуа"): эволюция и некоторые параллели: дис… канд. искусствоведения. М., 2003; *Чжань Янь.* Китайский костюм эпохи Мин: Орнамент, декоративные особенности и символика: дис… канд. искусствоведения. М., 2003; *Лоу Цинси.* Десять этюдов по китайской архитектуре. М., 2009.
17. *Малявин В.В.* Основные этапы развития школьного образования в древнем и средневековом Китае // Очерки истории школы и педагогической мысли древнего и средневекового Востока. М., 1988.
18. *Боревская Н.Е.* Очерки истории школы и педагогической мысли в Китае. М., 2002.
19. См. рец. в журн. «Бицзяо цзяоюй яньцзю» [Исследования по сравнительной педагогике]. Пекин, 2003. № 7. С. 89–90.
20. Педагогическая мысль и образование // Духовная культура Китая. Энциклопедия. Т. 5. М., 2009. С. 529–575.
21. *Боревская Н.Е.* Особенности китайской педагогики и системы образования в контексте этнопсихологии. М., 2007.
22. См.: *Боревская Н.Е.* Традиции и современность в процессе модернизации системы образования в КНР // Образование в современном мире: достижения и проблемы. М.; Пятигорск, 2009. С. 312–343.
23. См.: *Боревская Н.Е., Торопцев С.А.* Китайская культура во времени и пространстве. М., 2010.
24. *Боревская Н.Е.* Изучение системы императорских экзаменов в России // Кэ цзюй чжи дэ чжунцзе юй кэ цзюй сэе дэ синци [Конец императорской экзаменационной системы и расцвет ее изучения] / ред. Лю Хайфэн. Ухань, 2006. С. 496–503 (на кит. яз.); *Боревская Н.Е.* Система императорских экзаменов в Китае // Педагогика. 2005. № 10. С. 78— 90.
25. *Боревская Н.Е.* Государство и школа: опыт Китая на пороге III тысячелетия. М., 2003.
26. *Боревская Н.Е.* Реструктуризация финансирования государственной системы образования в КНР // Пробл. Дальнего Востока. 2001. № 2. С. 108— 121.
27. *Bray M., Borevskaya N.* Financing Education in Transitional Societies: Lessons from Russia and China // Comparative Education. 2001. V. 37, № 3. P. 345–366.
28. *Боревская Н.Е.* Новые механизмы финансирования высшей школы в КНР: китайский опыт в российском контексте. М., 2009.
29. Доклад «Эффективность против равенства в китайском образовании» на XV международной конференции Европейской Ассоциации китаеведения, 2004, Гейдельберг (Германия).
30. *Рысакова П.И.* Система образования в китайском обществе. М., 2010.
31. См. сборники: Особенности организации и учебно-воспитательной деятельности 12-летней школы в Азии. М.: РАО пресс, 2003. С. 34–81; Оценка учебных успехов учащихся в школах за рубежом в контексте стандартов образования. М.: РАО пресс, 2005. С. 145–170; Модернизация профессионального образования: теория, опыт, проблемы. М.: ФГНУ ИТИП РАО, 2012. С. 46–64.
32. *Боревская Н.Е., Гудошников Л.М.* Образовательное законодательство и образовательная система Китая // Образовательное законодательство и образовательные системы зарубежных стран. М.: Academia, 2007. С. 316–370.

33. Россия—Китай: образовательные реформы на рубеже XX—XXI вв. Сравнительный анализ / Отв. ред. Н.Е. Боревская, В.П. Борисенков, Чжу Сяомань. М., 2007.
34. 20–21 shiji zhijiao Zhong-E jiaoyu gaige bijiao. Beijing, 2006.
35. Educational Reforms in Russia and China at the Turn of the 21st Century: A Comparative Analysis / eds. Nina Ye. Borevskaya. V.P. Borisenkov, Xiaoman Zhu. Hong Kong, 2010.
36. См. доклад Н.Е. Боревской «Уроки сравнительных бинарных исследований» на Международной конференции «Миссия педагогических исследований в меняющихся обществах» (Пекин, 2010), а также рецензию Ruth Hayhoe в «Comparative Education Review» (2009. Febr. P. 143—145).
37. Развитие региональных систем профессионального образования в России и Китае: современное состояние и основные тенденции / Отв. ред. Н.Е. Боревская, С.А. Иванов, Чжу Сяомань. М., 2010; Чжунъэ дяньсин дицюй чжиъе цзяоюй: дяоча юй бицзяо фэньси. Пекин: Изд-во Цзяоюй кэсюе, 2010.
38. *Боревская Н.Е.* Советская педагогика в оценках китайских ученых // Педагогика. 2007. № 8. С. 57–70; а также: Китайские педагоги об образовательных реформах в новой России // Педагогика. 2007. № 10. С. 80–90.
39. Сотрудничество России и КНР в сфере образования: анализ прошлого и перспективы будущего // Науч. ред. Н.Е. Боревская. М.: МИСИС, 2009.
40. *Боревская Н.Е.* Интернационализация российских университетов: китайский вектор как часть Азиатско-тихоокеанского направления. РСМД. М., 2013. См. также ее раздел в монографии «Интернационализация высшего образования: тенденции, стратегии, сценарии будущего» (М., 2010).
41. Вайгожэнь кань Чжунго цзяоюй / Ред. Юань Гуйжэнь. Пекин: Изд-во Гаодэн цзяоюй, 2012. С. 184–191.
42. *Хузиятова Н.К.* Модернистские тенденции в творчестве китайских писателей 1980-х годов как поиск идентичности в контексте глобализации: автореферат дис… канд. филол. наук. СПб., 2008.
43. *Хуземи Д.В.* Образно-символический мир в поэзии Се Тяо (V в.): автореферат дис. канд. филол. наук. М., 2011.
44. *Сторожук А.Г.* Юань Чжэнь: Жизнь и творчество поэта эпохи Тан. СПб., 2001; *Сторожук А.Г.* Художественные концепты и проблемы творчества в литературе эпохи Тан: дис… д-ра филол. наук. СПб., 2006.
45. *Кравцова М.Е.* Поэзия вечного просветления: Китайская лирика второй половины V — начала VI века. СПб., 2001; *Кравцова М.Е.* Хрестоматия по литературе Китая: Повествоват. проза. Поэзия. Драма. СПб., 2004.
46. *Завидовская Е.А.* Постмодернизм в современной прозе Китая: автореферат дис.… канд. филол. М., 2005.
47. *Родионов А.А.* Лао Шэ и проблема национального характера в китайской литературе XX в. СПб., 2006; *Коробова А.Н.* Эволюция творчества Фэн Цзицая. От остроконфликтных сюжетов к «прозе родного города»: автореферат дис… канд. филол. наук. СПб., 2009.
48. *Масалимова Д.Д.* Поэзия государства Цзинь (1115–1235 гг.). Улан-Удэ, 2001.
49. *Алексеев В.М.* Труды по китайской литературе: В 2 кн. М., 2002.
50. *Позднеева Л.Д.* История китайской литературы: собр. трудов. М., 2011.
51. *Воскресенский Д.Н.* Литературный мир средневекового Китая: китайская классическая проза на байхуа: Собр. трудов. М., 2006.
52. *Торопцев С.А.* Жизнеописание Ли Бо — Поэта и Небожителя. М., 2009.
53. Китайский поэт Золотого века. Ли Бо: 500 стихотворений в переводе Сергея Торопцева. М., 2011.
54. Ли Бай цзай Элосы цяньцзай чжиинь [Тонкое ощущение в России поэзии Ли Бо сквозь тысячелетия] // Жэньминь жибао. 2012. 23 нояб.
55. *Городецкая О.М.* Четырежды "четыре печальных стиха": К вопросу о принципах перевода китайской поэзии // Общество и государство в Китае. М., 2003. С. 183–192; *Городецкая О.М.* Поэтика иероглифа: (Размышления переводчика) // Восток = Oriens. -М., 2002. № 6. С. 5–24; *Базылев В.Н., Сорокин Ю.А.* Интерпретативное переводоведение. Пропевдический курс. Учеб. пособие / Ульяновский гос. ун-т. Ульяновск, 2000; *Торопцев С.А.* Китайское стихотворение и его русская интерпретация // Ин-т Конфуция / СПбГУ. 2010. № 3. С. 75–78.

56. Ду Фу. Проект Наталии Азаровой. М., 2012.
57. *Серова С.А.* Театральная культура Серебряного века в России и художественные традиции Востока (Китай, Япония, Индия). М., 1999.
58. *Уварова И.* "С Востока свет" // Народы Азии и Африки. 2000. №…
59. *Серова С.А.* "Китайский театр — эстетический образ мира. М., 2005.
60. *Серова С.А.* Религиозный ритуал и китайский театр. М., 2013.
61. *Гайда И.В.* Театр // КНР 55 лет. Политика. Экономика. Культура. М., 2004.
62. *Демидо Н.Ю.* Архитектура // Духовная культура Китая: Энциклопедия. Т. 6 (доп.), М., 2010. С. 54–76; *Виноградова Н.А.* Ландшафтная архитектура // Там же. С. 77–99; Искусство китайской архитектуры / С. А. Комиссаров и др. Новосибирск, 2011.
63. *Белозерова В.Г.* Искусство китайской каллиграфии. М., 2007.
64. *Новикова Е.В.* Китайский сад — модель взаимоотношений Человека и Природы // Человек и природа в духовной культуре Востока. М., 2004. С. 396–417; *Голосова Е.В.* Ландшафтное искусство. М., 2008.
65. *Осенмук В.В.* Чань-буддийская живопись и академический пейзаж периода Южная Сун (XII—XIII вв.) в Китае. М., 2001; *Рерих Ю.Н.* Тибетская живопись. М., 2002; Слово о живописи из Сада с горчичное зерно / пер. с кит., коммент. Завадской Е.В. М. (Перепеч. изд. 1969 г.); *Кузьменко Л.И.* Китайский фарфор с конца XVI до 80-х годов XVII в // Грани творчества: Сб. науч. ст. М., 2005. Вып. 2. С. 188–222; *Неглинская М.А.* Производство расписных эмалей в пекинских придворных мастерских XVIII в // Восток. М., 2006. № 1. С. 42–52.
66. *Завьялова О.И.* Китайские диалекты и современное языкознание в КНР // Вопр. языкознания. 2009. № 6. С. 102–108.
67. *Завьялова О.И.* Большой мир китайского языка. М.: Вост. лит. 2010.
68. *Гуревич И.С.* Историческая грамматика китайского языка: язык прозы на *байхуа* периода Сун—Юань (*пинхуа*). СПб., 2008; *Зограф И.Т.* Хрестоматия по китайскому языку (ранний *байхуа* и поздний *вэньянь*). СПб., 2005.
69. *Кондратьева Е.Б.* Грамматические особенности китайского языка эпохи Тан. Дисс.… канд. филол. наук. СПб., 2007.
70. *Гурьян Н.В.* Строение первого китайского словаря «Эр я». Дисс.… канд. филол. наук. М., 2009.
71. *Крюков В.М.* Текст и ритуал. Опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь—Чжоу. М., 2000; *Готлиб О.М.* Основы грамматологии китайской письменности. М., 2006.
72. *Торопцев С.А.* Китай // История зарубежного кино. М., 2005. С. 520—546.
73. *Торопцев С.А.* «Международный бренд» китайского кино — режиссер Чжан Имоу. М., 2008.